

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию **Чернышева Ильи Николаевича**

«Феноменология движения в раннем творчестве С. Беккета»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(европейская литература)

Диссертация И.Н. Чернышева посвящена прозе С. Беккета – несколько шире, чем заявлено в названии работы: не только ранней и не только англоязычной. Помимо трех ранних романов писателя «Мечты о женщинах, красивых и так себе», «Больше тычков, чем ударов» и «Мерфи», в поле зрения исследователя оказываются части трилогии («Моллой», «Мэлон умирает», «Безымянный»), созданные по-французски в 1940-х гг. и представляющие «зрелое» творчество ирландско-французского автора. Образы и мотивы движения в произведениях С. Беккета неоднократно изучались, в т.ч. на монографическом уровне, англоязычными специалистами-беккетоведами, однако в отечественной науке подобное исследование до сих пор не проводилось: диссертация И.Н. Чернышева, соответственно отличается **новизной**. Об **актуальности** исследования говорят достаточно частотные за последние два десятилетия обращения к прозе Беккета российских ученых. При этом избираемые, в частности, авторами докторских и кандидатских диссертационных исследований аспекты, безусловно, дополняют друг друга, и многие нюансы беккетовского творчества до сих пор требуют проработки и/или уточнения в отечественном беккетоведении.

Говоря о необходимости уточнений и дальнейшего развития отечественного беккетоведения, можно отметить, что С. Беккету, так сказать, «исторически» не очень повезло с его адаптацией в российском культурном пространстве. Начиная, наверное, даже с известного факта письма молодого ирландского писателя С. Эйзенштейну, на которое Беккет ответа не получил. Что касается самих произведений Беккета, казалось бы, многие из них становились – хотя бы драмы – известными в России (в СССР) задолго до публикации в русском переводе. Благодаря популярности не столько феномена, сколько термина «театр абсурда», Беккета как крупнейшего представителя французского антитеатра знали и «изучали» в нашей стране, а «В ожидании Годо» в переводе с французского М. Богословской было опубликовано «Иностранной литературой» еще в 1966 г.

Большое количество переводов «из Беккета», нередко сопровождаемых биографическими справками и «подробностями» жизни писателя, стали появляться в России в 1990-х гг. и закрепили тенденцию далекого от корректности обращения и с текстами, и с фактами биографии классика. Даже год смерти писателя (Беккет скончался в декабре 1989 г.) рядом уважаемых изданий был обозначен как 1990 г. и в таком виде перекочевал в выходившие в те же 90-е годы учебники и справочники. Произведения

(включая, кстати, «Мерфи») свободно переводились одновременно (?) «с французского и английского», а названия закрепились по-русски в нескольких вариантах, как, например, «Конец игры» и «Эндшпиль», «Больше лает, чем кусает» и «Больше замахов, чем ударов». На настоящий момент, как верно замечает автор рецензируемой диссертации, «обилие неточностей, вольное переложение сюжетов романов и очевидная вторичность текста не позволяют считать проблему создания авторитетного жизнеописания Беккета на русском языке решенной» (С. 7).

Другая проблема, обусловленная хронологической неравномерностью восприятия творчества ирландского писателя в России, связана с попытками интерпретации всех, начиная с ранних, произведений Беккета как постмодернистских. Отечественное литературоведение, получившее возможность изучать классику европейского модернизма в тот период, когда в литературе последней трети XX века уже доминировал постмодернизм, охотно называет постмодернистами и Кафку, и Джойса, и Беккета. В этом смысле одной из заслуг автора диссертации нельзя не считать последовательное рассмотрение раннего и зрелого творчества С.Беккета именно как модернистского – со свойственными эстетике данного направления концепциями мира и человека.

Логичным выглядит литературный контекст, в который вписывается творчество молодого Беккета: не только Джойс, но и французский экзистенциализм. Однако модернистская специфика прозы Беккета оговаривается в диссертации И.Н. Чернышева значительно раньше, чем автор приступает к непосредственному анализу текстов. Так, аргументируя во введении к диссертации выбор феноменологического подхода в качестве **методологии** работы, И.Н. Чернышев отмечает, что «модернистское восприятие с его нацеленностью на импрессионистичность, незавершенность, фрагментарность оказывается созвучно феноменологической установке» (С.20). Не менее значимым для анализа модернистского художественного мира Беккета является обращение к философским истокам его творчества, предпринятое в первом разделе диссертационного исследования.

Диссертация И.Н. Чернышева состоит из 4 глав: три посвящены анализу романов Беккета и структурированы в соответствии с хронологией написания произведений. 1-я глава, традиционно в работах подобного рода проясняющая теорию или историю вопроса, в данном случае обозначена как «Генезис системы образов движения в раннем творчестве С. Беккета» и направлена на раскрытие как философских, так и биографических предпосылок формирования характерной беккетовской образности.

Раздел 1.1. «Влияние философских идей на формирование мировосприятия Беккета в 1930-е гг.» предлагает обзор философских систем, которые увлекали Беккета и во время его непродолжительной преподавательской деятельности, и уже как молодого писателя. Спиноза, Лейбниц, Гейлинкс, Вико, Кант, древнегреческие философы, христианские мистики, представители экзистенциальной философии – неполный список

философских интересов писателя, который, в соответствии с приведенным в диссертации высказыванием, «никогда не читал трудов философов, так как не понимал их содержания» (С. 31). Цитат в данной части работы И.Н. Чернышева чрезвычайно много – не столько из трудов самих философов, сколько из вторичных источников: монографий и статей Эккерли (в диссертации фамилия фигурирует как Акерли или Аккерли), Фелдмана и Мамдани, Потаста, Минтца, Файфилда, посвященных соотношению взглядов Беккета с различными философскими учениями. В результате, раздел оказался насыщен такими сложными синтаксическими конструкциями, как: «По мнению исследователей, Беккета интересует, в первую очередь, то, как Гейлинкс определяет «смирение»: «презрение к себе из любви к Богу и Разуму» (С. 37), или «Характеризуя раннее творчество Беккета в целом, его называют «демокритическим», то есть питаемым взаимодействием противоположностей» (С. 41). Однако, несмотря на то, что автор диссертации практически не позволяет себе самостоятельной оценки философских систем или их роли в становлении взглядов Беккета, раздел получился одним из самых глубоких в рецензируемой работе. Опираясь на работы других ученых (не только беккетоведов, но и специалистов по истории философии), И.Н. Чернышев систематизирует и выстраивает далеко не простую логику воззрений, где рядом могут оказаться Декарт и Шопенгауэр, Спиноза и Демокрит, Лейбниц и Б. Рассел. На наш взгляд, **теоретическая значимость** диссертации И.Н. Чернышева в немалой степени связана именно с изложением и анализом солидного пласта философских «влияний» на формирующуюся эстетику Беккета-модерниста, теперь предоставленного и в распоряжение российских исследователей.

Уже в разделе о философских идеях автор диссертации нередко подтверждает усвоение писателем представлений о работе сознания примерами из беккетовских романов: «Соглашаясь с упомянутыми исследователями, обратим внимание на то, что Мерфи воспринимает тело и сознание как отдельные системы, независимо сосуществующие и взаимодействующие» (С. 35). Подобные параллели усиливаются в следующей части работы, определяемой участием биографического подхода в методологии исследования и не очень, наверное, удачно озаглавленной «Биографические предпосылки развития творческого воображения Сэмюэла Беккета». «Творческое воображение» менее одаренного человека вряд ли «развилось» бы исключительно благодаря непростым обстоятельствам детства и юности будущего писателя. Но И.Н. Чернышева вновь хочется поблагодарить за корректно «восстановленную» биографию писателя, включая до сих пор вольно трактуемую в отечественном литературоведении иерархию взаимоотношений Беккета и Джойса, а также обращение молодого писателя к лондонскому психотерапевту В. Байону в 1934 г. Большим подспорьем для исследователя, поставившего задачу рассмотреть биографический фон произведений, стало обращение к письмам писателя. Собрание писем Беккета опубликовано относительно недавно, и И.Н. Чернышев первым вводит эпистолярный материал в обиход российской

науки. Кроме того, в данном разделе автору работы удастся показать, в какой мере мотивы и образы движения идут из детства писателя: особенно хорошо проиллюстрированы «транспортные» проблемы, пристрастие Беккета к велосипедам и «травматическое» отношение к автомобилям-автобусам-трамваям.

Аналитические разделы диссертации выстроены, как уже было сказано, в соответствии с порядком написания Беккетом своих романов, но не всегда по порядку публикации: «Мечты о женщинах, красивых и так себе» (1932), «Больше тычков, чем ударов» (1934), «Мерфи» (1936, публикация 1938), «Моллой», «Мэлон умирает», «Безымянный» (датировку романов трилогии диссертант указывает по времени выхода первых изданий). И.Н. Чернышев придерживается мнения, что роман «Уотт» (1944), «в котором автор, по словам Уэбба, отходит от реализма ранних текстов, экспериментируя с более абстрактной и архетипической образностью» (С. 5), не должен рассматриваться в обозначенном контексте.

Два первых романа писателя, объединенных образом протагониста Белаквы, оказываются объединены общей 2-й главой и в тексте исследования: «Образы движения и концепция героя в романах «Мечты о женщинах, красивых и так себе» и «Больше тычков, чем ударов»». Роман «Мечты о женщинах...», не публиковавшийся при жизни писателя, частично был использован автором в качестве материала для второго романа. В беккетоведении романы «о Белакве» рассматриваются как самостоятельные произведения, отличающиеся и жанровыми составляющими, и даже характером протагониста. Анализ образов движения, предпринятый И.Н. Чернышевым, в свою очередь обнаруживает важность романа в постижении замысла писателя: «Его главный персонаж испытывает неприязнь по отношению к бессмысленному движению, которым наполнена окружающая действительность» (С. 63).

Роман «Больше тычков, чем ударов» получает в переводе И.Н. Чернышева еще одно русскоязычное название, хотя споров по поводу уже существующих заголовков автор диссертации принципиально избегает. Анализ состоящего из отдельных новелл романа Беккета в диссертации частично сводится к описанию, краткому пересказу каждого из эпизодов и, соответственно, обозначению перемещений Белаквы. Особого внимания в связи данным разделом заслуживает обращение автора диссертации к новелле «Кости Эхо», не входящей в состав произведения, но демонстрирующей «дальнейшую» судьбу Белаквы («В ней описываются загробные приключения протагониста», С. 88) и одновременно возвращающей и героя, и читателя к исходной – дантевской – «завязке». И.Н. Чернышев неоднократно обращает внимание на доминирование возвратного движения в ранних произведениях Беккета; анализ новеллы «Кости Эхо» еще раз дает возможность убедиться в преимуществах именно такого типа движения.

Посвященная «Экзистенциально-феноменологическим проекциям «я» в романе «Мерфи»» 3-я глава диссертации И.Н. Чернышева во всех

отношениях представляется ударной частью работы. Исследователь уверенно заявляет, что «создание романа дало начало реализации тщательно продуманной авторской концепции» (С. 94), и дальнейший анализ подтверждает значимость романа в контексте не только более ранних, но и более поздних произведений С. Беккета. Характер протагониста данного произведения позволил и проиллюстрировать действенность философских «влияний» на писателя, рассмотренных в 1-й главе диссертации, и обратиться, например, к идеям К.Г. Юнга, с которыми Беккет познакомился во время работы над романом и которые своеобразно интерпретировал и в «Мерфи», и в ряде других прозаических и драматических произведений. На уровне образности на первый план выходит кресло-качалка, также фигурирующая во многих произведениях позднего Беккета вплоть до «Rockaby» (1980).

Рассмотрение романа «Мерфи» вполне могло стать заключительной – и кульминационной – частью работы, анализирующей раннюю прозу Беккета. Однако автор (и объем диссертации вполне такое расширение позволяет) в 4-й главе предпринимает попытку исследования «Трансформации образов, связанных с движением, в позднем творчестве С. Беккета». И попытка эта во многом очень успешна: обращаясь к романам Трилогии, И.Н. Чернышев не только выявляет общность мотивов, сближающих раннюю и зрелую прозу писателя. Романы Трилогии дают возможность увидеть развитие беккетовской эстетики, изменение типа героя и его движения. Особенно интересным в связи с темой диссертации выглядит «Моллой» как роман и Моллой как герой. Вероятно, Моллоя можно назвать ключевым героем именно в плане демонстрации вариантов движения героя, физически не способного двигаться «нормально».

Остается пожалеть, что для романов Трилогии не нашлось места в формулировке темы диссертации, поскольку романы «Моллой», «Мэлон умирает» и «Безымянный» не относятся к ранней прозе писателя. Но не относятся и к поздним произведениям Беккета, как их неоднократно именует диссертант: даже после публикации «Безымянного» впереди у автора было еще около 30 лет творческой жизни. Но это не основная проблема: главное, что романы Трилогии создавались по-французски, и это было важно для Беккета. Роман «Моллой» переведен на английский Патриком Боулзом “in collaboration with the author”, о чем диссертант не упоминает, хотя цитирование идет на английском. Увлеченность автора диссертации английским языком нельзя не приветствовать: и цитирование, и переводы в работе корректны и объемны. Но иногда в тексте появляются парадоксальные вещи, как отказ от франкоязычных источников в случае с Трилогией или обозначение «оригинальных» названий трудов Гейлинкса и Шопенгауэра по-английски.

Библиография к работе весьма основательна, список источников составляет 216 номинаций. **Достоверность исследования** подтверждается критической оценкой философских и историко-литературных работ, посвященных как проблеме движения в целом, так и творчеству С. Беккета,

объемом привлеченного художественного материала, полнотой анализа литературных текстов. Степень обоснованности сформулированных в работе научных положений – высокая. Основные результаты исследования отражены в публикациях, в числе которых 4 – в журналах, рекомендованных ВАК РФ, а также в автореферате диссертации.

Диссертация Ильи Николаевича Чернышева «Феноменология движения в раннем творчестве С. Беккета», представляет собой серьезное, завершенное исследование, которое отвечает требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская литература), отрасли наук – филологические науки.

29.04.2021

Доценко Елена Георгиевна,

доктор филологических наук
(научная специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья),

профессор кафедры литературы и методики ее преподавания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»,

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

тел. 83432182298; eldot@mail.ru

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Доценко

И.С. Курташова

Курташова